Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/WNJSPZ
УДК 821.134.2
ББК 83.3(4Исп)6

РОМАН ИСПАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ Р. ВАЛЬЕ-ИНКЛАНА «ТИРАН БАНДЕРАС» В СВЕТЕ ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

© 2022 г. Н.Ю. Харитонова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 21 февраля 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 27 марта 2022 г.
Дата публикации: 25 декабря 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-108-125

Аннотация: Испанский писатель Р. дель Валье-Инклан создал роман «Тиран Бандерас» (1926), когда Испания формировала новую политику в отношениях с Латинской Америкой после потери в 1898 г. последних заокеанских колоний. Валье-Инклан выступал за восстановление прав коренных народов латиноамериканского континента, политическую и экономическую независимость республик. Интерсекциональный анализ романа уточняет антиколониальную концепцию писателя. По расовому признаку персонажи образуют две группы — испанцы и иностранцы, и индейцы и креолы. Индейцы — угнетенная раса, а испанцы и иностранцы — расы угнетателей. Но генерал Бандерас, тиранизирующий свою страну, тоже индеец. Дополнительный свет проливает анализ гендера и социальной роли. Женские персонажи в романе вынуждены обращаться за помощью к мужчинам, и их требования оказываются оправданы, если они действуют в интересах своих детей. Отцовство в идейной структуре романа также имеет коннотации заботы, зашиты, символически — заботу о солдатах и своем народе. Бандерас, убивающий свою безумную дочь, одинаково несостоятелен в роли отца и в роли индейского правителя, так как присваивает себе чуждую, импортированную из метрополии роль угнетателя.
Ключевые слова: Валье-Инклан, «Тиран Бандерас», колониализм, интерсекциональность, раса, гендер.
Информация об авторе: Наталия Юрьевна Харитонова — Doctora en Filología Hispánica, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1254-6284
E-mail: barrocorggu@mail.ru
Для цитирования: *Харитонова Н.Ю.* Роман испанского писателя Р. Валье-Инклана «Тиран Бандерас» в свете интерсекционального анализа // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 108–125. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-108-125

Studia Litterarum, vol. 7, no. 4, 2022

R. DEL VALLE INCLÁN'S NOVEL *TIRANO BANDERAS* IN THE LIGHT OF INTERSECTIONAL ANALYSIS

© 2022. Natalia Iu. Kharitonova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: February 21, 2022
Approved after reviewing: March 27, 2022
Date of publication: December 25, 2022

Abstract: Spanish writer R. del Valle Inclán wrote the novel *Tirano Banderas* (1926), when Spain was developing a new policy towards the Latin America after the definite loss of its overseas colonies in 1898. Valle Inclán advocated the restoration of indigenous peoples' rights, political and economic sovereignty of the Latin American countries. The intersectional analysis clarifies the writer's anticolonial concept. On the basis of racial identity, the novel's characters form two groups: Spaniards and foreigners, and Indians and Creoles. Indians are an oppressed race, while the Spaniards and foreigners are oppressors. But General Santos Banderas, who tyrannizes his country, is an Indian too. Additional light is shed due to the analysis of gender and social role and its symbolic dimensions. The female characters in the novel forced to ask men for help but their demands are justified if they act in the interests of their children. Paternity also has the connotations of care and protection, and symbolically, care for the nation. The tyrant Banderas, who kills his insane daughter, fails both as father and as an Indian ruler since he appropriates the oppressor's role imported from the metropolis.
Keywords: Valle-Inclán, Tirano Banderas, colonialism, intersectionality, race, gender.
Information about the author: Natalia Iu. Kharitonova, PhD in Hispanic Studies, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1254-6284
E-mail: barrocorggu@mail.ru
For citation: Kharitonova, N.Iu. "R. del Valle Inclán's Novel *Tirano Banderas* in the Light of Intersectional Analysis." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 108–125. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-108-125

Роман «Тиран Бандерас» (1926) испанского галисийского писателя Рамона дель Валье-Инклана создавался, когда после утраты всех своих заокеанских колоний Испания переживала глубокий цивилизационный кризис. Произведение Валье-Инклана, текстологическим и литературным аспектам которого посвящена внушительная библиография[1], принадлежит к корпусу текстов испанской культуры и литературы рубежа веков, где осмысляется постимперская и постколониальная ситуация страны, а эта тема по-прежнему остается открытой. Так, традиционно в национальном нарративе поражение Испании в испано-американской войне определялось как «катастрофа», а 1898 г., когда война была проиграна, не только весьма специфичным образом структурировал историю испанской литературы, дав название «поколению» интеллектуалов и литераторов, к которому причисляли и Валье-Инклана, но и на долгие годы задал направление изучения и его творчества, и наследия М. Унамуно, Р. де Маэсту, Асорина, В. Бласко Ибаньеса, П. Барохи и др. В настоящее время от использования термина «поколение 98-го года»[2] историки испанской литературы отказались, а его место в работах по литературе рубежа веков заняло более универсальное понятие «модернизм». Современный коста-риканский исследователь ибероамериканской литературы Д. Чувардич Гарсиа определил обоснование и признание термина «поколение 98-го года» в испанской историографии как так-

1 См. библиографию в цифровом издании романа, подготовленном Хуаном Родригесом: [16].

2 Одна из первых работ принадлежит Рикардо Гульону (*Gullón R.* La invención del 98 y otros ensayos. Madrid, Gredos, 1969), после которой последовали концептуализации и исследования Хосе-Карлоса Майнера, Имана Фокса, Висенте Качо Виу, Джона Батта, Ричарда Кардуэлла и др.

тику «расизма или культурного империализма» [6, p. 106]. В свою очередь, его утверждение свидетельствует об экспансии постколониальных исследований, которые позволяют испанистам критически переосмыслить рубеж 1898 г. В свете постколониального подхода П. Макдермотт предлагает рассматривать испанский идентитарный кризис как часть «общего кризиса модерности западного мира, погруженного в процесс формирования светского, урбанистичного, индустриального, анонимного массового общества и глобального капиталистического рынка» [10, p. 216], который в Испании усугубился потерей имперского статуса.

Среди испанских литераторов рубежа веков новая политическая и культурная ситуация в стране породила реакции самого разного толка, при этом имперская ностальгия и колониальные дискурсивные модели занимали среди них далеко не последнее место. Валье-Инклан, напротив, придерживался альтернативной, антиколониальной позиции, которая на материале романа «Тиран Бандерас» была отчасти изучена в статье Д. Догерти [7]. Опираясь на работы Э. Саида, исследователь выделил одну из моделей испанского литературного колониализма, заключавшуюся в «эротизации колонии», и показал, как Валье-Инклан опрокидывает традиционную сюжетную схему, когда испанцы становились жертвой опасных латиноамериканских соблазнительниц. В его романе опасность представляют сами испанцы и неслучайно молодой литературный критик той эпохи, Антонио Эспина, отмечал «смелость» Валье-Иклана, обличившего в своем романе «колониальное лицемерие» [7, p. 45] испанского общества.

Дополнительные возможности намеченного Догерти пути изучения романа открывает методология интерсекционального анализа, изначально получившая распространение в социальных науках. Интерсекциональность предполагает исследование сложных взаимодействий разных форм угнетения и доминирования, которые коррелируют и с постколониальной проблематикой. В своем обзоре трудов по интерсекциональности социологи А.А. Темкина и Е.А. Здравомыслова отмечают зонтичный характер этого метода, позволяющего анализировать действие и характер «множественных механизмов гендерного неравенства», а также механизмы «власти (доминирования и угнетения)» [1, с. 15, 19]. Интерсекциональный анализ, кроме того, демонстрирует свою перспективность в культурологии и лите-

ратуроведении[3], о чем свидетельствуют современные исследования, посвященные американской, афроамериканской или британской литературам [2; 3; 5; 9; 11]. Опираясь на методологию интерсекционального анализа и рассматривая взаимодействие категорий гендера и расы, в данной статье я предлагаю уточнить антиколониальные постимперские представления Валье-Инклана.

Валье-Инклан опубликовал свой роман «Тиран Бандерас» в 1926 г. в Мадриде. Действие «романа Горячей земли», как его определяет подзаголовок, разворачивается в воображаемой латиноамериканской республике, названной Санта-Фе-де-Тьерра-Фирме. Пространство несуществующей страны предельно условно, что дополнительно подчеркивает языковой пласт романа. Валье-Инклан, мастер стилизации, создает универсальный и гибридный «латиноамериканский» язык, оторванный от какой-то конкретной территории, потому что в нем смешаны грамматические и лексические особенности испанского языка Центральной и Южной Америки. Но это только одна из причин, по которой попытки ученых назвать конкретную страну, в которой могли происходить события романа, не слишком убедительны. Пейзажные зарисовки, которые могли бы стать ключом к расшифровке, не занимают в повествовании большого места и также довольно эклектичны.

Валье-Инклан неоднократно путешествовал по американскому континенту, и, как сам он признавал, самые яркие страницы его биографии были связаны с Мексикой. Впервые он приехал в эту страну по личным делам в год четырехсотлетия открытия Америки и остался там до 1893 г. Мексиканский опыт сыграл большую роль в его становлении, потому что тогда он осуществил свою мечту стать литератором, начал печататься в газетах «Коррео эспаньоль» и «Универсаль» и проникся духом мексиканской земли. Вернувшись в Мадрид, Валье-Инклан разгуливал по улицам в пончо и сомбреро, эпатируя тем самым благопристойную буржуазную публику испанской столицы. В 1910 г. писатель отправился в Америку вместе с театральной труппой «Герреро-Мендоса», где служила его жена, актриса Хосефина Бланко, и за время турне побывал в Аргентине, Уругвае, Парагвае, Боливии и Чили.

3 21 мая 2021 г. отдел литератур Европы и Америки новейшего времени ИМЛИ РАН провел научный семинар «Современные направления гуманитарных исследований. Практика интерсекционального анализа», организованный Н.Ю. Харитоновой и А.В. Елисеевой.

Валье-Инклан был увлечен событиями мексиканской революции 1910–1917 гг., результатом которой стало принятие самой прогрессивной во всем мире конституции на тот момент. А второе посещение Мексики окончательно убедило его в необходимости социально-политических изменений в латиноамериканских республиках и радикального пересмотра испанско-мексиканских отношений. Это произошло в 1921 г., когда президент Альваро Обрегон пригласил его принять участие в торжествах по случаю столетия независимости Мексики. Валье-Инклан представлял на празднованиях испанскую творческую интеллигенцию, бросив вызов официальной Испании, которая отказывалась признать правительство Обрегона. Условием признания была отмена неоправданно высокой компенсации испанскому землячеству в Мексике за материальный ущерб, нанесенный ему революционными событиями. Когда Валье-Инклан вернулся в Испанию в начале 1922 г., одной из центральных тем его выступлений стала критика правительства, защита революционной Мексики и интересов ее коренных народов. На одном из сюжетных уровней романа индейцы и креолы противопоставлены представителям испанского землячества, которых в Мексике презрительно именуют гачупинами. «Тиран Бандерас» вобрал в себя два политических тезиса, которые представлялись писателю наиболее актуальными в то время: обретение истинной независимости бывшими колониями и улучшение положения коренных народов Латинской Америки.

Главным событием романа, исследующего механизм зарождения социального протеста, становится вооруженый мятеж жителей Санта-Фе-де-Тьерра-Фирме против диктатуры генерала Бандераса, который уже двадцать лет единолично правит страной. Индейцы в Санта-Фе влачат жалкое существование, а иностранцы-гачупины, собственники земли в стране, обогащаются за счет использования ее природных ресурсов и эксплуатации местного населения, которое они держат в долговой кабале. Политическая жизнь в Санта-Фе формально существует, но на деле печать контролируется из дворца Бандераса, а митинг оппозиции срывают его провокаторы. По малейшей прихоти тирана люди оказываются вне закона и попадают в тюрьму, после чего их ожидает расстрел. Диктатор не просто жесток, он изощренно хитер и пользуется любыми средствами для достижения своих целей. Когда ему срочно понадобилась поддержка иностранных держав, он прибегает к шантажу, вынуждающему испанского посла занять нужную ему

позицию. Тем временем протест против тирана объединяет разных персонажей, судьбы которых причудливым образом переплетаются в романе. Все вместе они берутся за оружие и совершают государственный переворот, открыв новую страницу в истории своей страны. Заканчивается повествование смертью Бандераса.

Валье-Инклан уделял большое внимание расовому вопросу и выступал в защиту индейского населения Америки. При этом концепт «расы» в Испании того времени не вполне совпадал с аналогом в русском или английском языках. В Испании термин имел расширительное толкование и не сводился только к общности происхождения и физических особенностей[4]. Раса могла пониматься как порода и характер[5], а также как сумма этнических признаков, появляясь в сочетаниях «средиземноморская раса», «кастильская раса» и др.

В 1923–1930 гг., во времена диктатуры Примо де Риверы в Испании, правительство вело политику сближения со странами Латинской Америки и с большим размахом праздновало так называемый День Расы, 12 октября, известный под этим названием до 1958 г., а впоследствии получивший название «Дня испанидад». Согласно доктрине единства Испании и иберо-американских республик, которая сформировалась в оппозиции к утилитаризму США, раса принадлежала к сфере духовности, а в основе ее лежали католическая вера и испанский язык.

Отношение Валье-Инклана к официальным духовным ценностям, которые продвигало испанское правительство, было критическим. В своем романе писатель намеренно оспаривает положение о единстве испанского языка и создает особый, гибридный вариант испанского. Ему было очевидно, что декларируемое Академией «единство» языка на практике означало признание в качестве модели и образца испанского Кастилии, тогда

4 Это не означает, что расистские идеи не имели распространения в Испании. Огромной популярностью в Испании пользовался труд Эдмона Демолена «В чем заключается превосходство англосаксов», впервые изданного на испанском в Мадриде в 1899 г. (*Demolins Edmond.* En qué consiste la superioridad de los anglo-sajones. Madrid, Lib. de Victoriano Suárez, 1899), известного в России под заглавием «Аристократическая раса» (СПб.: Тип. А.С. Суварина, 1906).

5 Сравните с названием фильма «Раса» (1942), снятого по сценарию Франсиско Франко, где под «расой» имеются в виду все принявшие в борьбе с республиканцами и коммунистами люди, не только испанцы, но и марроканцы, подразделения которых воевали на стороне националистов в гражданской войне в Испании и чьи образы появляются в конце картины.

как лингвистические особенности испанского стран Латинской Америки не принимались во внимание. Когда в 1932 г. с романом «Тиран Бандерас» Валье принял участие в конкурсе на литературную премию Фастенрат, объявленном Испанской королевской академией, в одном из интервью он еще раз подчеркнул сознательность своей установки создать в романе «кастильский не только Кастилии, но и всех народов, говорящих на испанском. Это смешение нашего языка с испанским языком или языками, на которых говорят в Южной Америке» [16, p. 234]. Созданный им испанский вызвал резкое неприятие среди членов Испанской королевской академии, которая с момента своего основания заботилась о чистоте языка, исходя из норм испанской классики, и, как замечает Ф. Каудет, «тогда не слишком высоко оценивала испанский язык Америки» [4, p. 150]. После публикации романа о премии или признании Валье-Инклана академиком не могло быть и речи, хотя уже тогда его имя было включено в список кандидатов. Когда в 1934 г. в Академии появилось два вакантных места и вновь стало возможным избрать Валье-Инклана академиком, ученый секретарь институции Эмилио Котарело в интервью журналисту мадридской газеты «Соль» заявил, что это немыслимо, потому что «он плохой писатель. Закоренелый галицист: он разрушает испанский язык, у него нет никакого уважения к нормам языка» [4, p. 206]. Очевидно, что лингвистическая составляющая была одной из важных на то причин.

Понимание расы у Валье-Инклана не вполне совпадало с идеями официальной доктрины. Скорее оно ближе к общему для испанцев толкованию расы, и в этом смысле он пишет об индейской расе, но при этом выделяет в отдельную расу испанцев-гачупинов, которые в его системе представлений были потомками евреев и арабов и несли разрушение в Латинскую Америку. Это хорошо видно по письму от декабря 1923 г., которое Валье-Инклан написал мексиканскому писателю Альфонсо Рейесу: «Генерала Обрегона ждут великие свершения в Америке. <...> Революция ради независимости не может сводиться к одной только смене вице-королей, а должна привести к культурному совершенствованию индейской расы, ее полноправию и изгнанию иудейских и мавританских гачупинов. Но лучше всего, разумеется, всех их перерезать» [15, p. 561–562]. В феврале 1922 г. Валье-Инклан выступил в мадридском Атенее с лекцией, в которой говорил о необходимости освобождения индейской расы. Средиземноморский

дух в его понимании принес в страны Ибероамерики варварство, которое он определял как «иберийское». Цивилизующее начало Валье связывал с латинской, испано-римской культурой, проводником христианской веры в Америке. В то же время индейцы в его представлении не были варварами: благодаря врожденному христианизму и чистоте своей веры они могут одержать победу над гачупинами, «плохими» испанцами и плохими христианами [14, p. 129–130]. При этом в условном латиноамериканском мире романа действуют и представители других этнических групп и каст — в большей степени это креолы, т. е. уроженцы Америки и потомки испанцев, в меньшей степени мулаты, и только пару раз упоминающиеся негры. Иностранцы, среди которых основное место занимают гачупины, действительно образуют отдельную группу персонажей.

Может показаться, что в романе Валье-Инклана гачупины-испанцы должны представлять собой абсолютное зло, в то время как индейские герои воплощают доброе и светлое начало. Действительно, представители испанского землячества выведены в романе в самом неприглядном виде. Реализуя свои идеи «звездного видения» в прозе, Валье-Инклан отказывается от протагониста и делает акцент на «феномене массы». Создавая коллективного героя, Валье-Инклан дает персонажей схематично, скупо, и кроме того, описывает группу гачупинов крайне негативно. Это крикливые хвастуны, грубые и фанатичные ультра-патриоты. Например, дона Теодосио дель Арако повествователь называет «железным иберийцем, неуклонно продолжавшим худшие традиции испанского наместничества» [12, с. 333].

Кинтин Переда, еще один персонаж-гачупин, который играет важную роль в развитии интриги, охарактеризован как «злобный старикашка, сотканный из слащавости и коварства, лжи и трусливой недоверчивости» [12, с. 377]. Сначала он унижает и обманывает индианку, закладывающую перстень в его ссудной кассе, а затем доносит на нее властям.

Во внешности посла Испании барона де Беникарлеса подчеркиваются неприглядные черты: глаза навыкате, зобастость, хилое и нескладное, долговязое телосложение. Это признаки физической дегенерации в системе представлений Валье-Инклана, которая сформировалась под влиянием идей М. Нордау. Писатель снабжает ими аристократа, потому что это сословие, как он считает, утратило свою былую государственную роль воителя и защитника народа и обречено на вырождение. Не более привлекательны

свойства его личности и склонности: это неискренний и порочный сплетник и интриган, морфинист, для которого дипломатическая служба означает возможность вести роскошную жизнь и заводить гомосексуальные любовные романы в странах, куда его направляют.

Однако, если мы обратимся к персонажам-индейцам, тут все не так однозначно, как в случае с образами испанцев, поэтому одного только представления о расе для анализа здесь не достаточно и необходимо ввести дополнительные категории для понимания смысловой структуры романа. Индейцы в романе нередко упоминаются в зарисовках толпы, представляя собой так называемый коллективный персонаж. Однако есть и отдельные, более прописанные фигуры. В первую очередь это Сакариас Сан-Хосе по прозвищу Крестоносец, помогающий бежать от преследования генерала Бандераса полковнику де ла Гандара и решающий принять участие в антиправительственном мятеже. Жена Сакариаса, ласково именуемая в романе Индианочкой, еще один индейский персонаж. При этом невозможно утверждать, что Валье-Инклан отводит индейцам в романе исключительную роль угнетенных и бесправных, потому что донья Лупита, бывшая маркитантка, подруга тирана Бандераса, оказывающая на него большое влияние, — индианка. Но особенно важно, что и сам тиран Бандерас тоже принадлежит к индейской расе и это неоднократно подчеркивается. Обратим внимание на взаимодействие категорий гендера и расы в образах романа.

Валье-Инклан воспроизводит традиционные патриархатные конструкции, поэтому женские персонажи в его романе действуют в сфере частной и приватной жизни, связанной с домом, семьей, досугом и развлечениями, в то время как мужским персонажам отведены сферы как официальной и публичной, так и частной жизни. Пересечение границ домашнего пространства персонажем-женщиной носит характер исключительности и может иметь трагические последствия.

Единственная испанка, выведенная в романе, носит говорящее имя Кукарачита (в переводе с испанского — таракашка) Тарасена. Ее образ вписывается в общую картину представления о гачупинах в американской республике Санта-Фе. Ей принадлежит дом терпимости, и она наживается на девицах, которых обманывает и держит в долговой кабале. По мнению Д. Догерти, тем, что хозяйка публичного дома — испанка, Валье-Инклан раскрывает суть испанского присутствия в Латинской Америке сто лет спустя

после обретения ее республиками независимости [7, p. 45]. Валье-Инклан разрушает общепринятую в испанском имперском нарративе схему, когда Испания, «родина-мать», считалась источником цивилизации, а с бывшими колониями, ее дочерьми, ассоциировались варварство, пороки и разврат. Таким образом, в романе публичный дом Кукарачиты и есть место разврата, но причиной является не порочное сладострастие, которым в воображении испанской культуры наделяли латиноамериканских красавиц, а корысть представительницы бывшей метрополии, наживающейся на них. В персонаже Кукарачиты можно увидеть проекцию Испании, «родины-матери», вынуждающей торговать своим телом латиноамериканских «дочерей».

Женщины-индианки в романе обладают разным социальным статусом. Так, у доньи Лупиты, приближенной к тирану, статус обозначен в употреблении почтительного обращения «донья», т. е. «госпожа», с ее именем, причем в иберийском варианте. О ней известно, что в прежние годы она была маркитанткой и сопровождала полк генерала Бандераса, хотя прямых указаний на ее физическую связь с тираном в тексте нет. Тем не менее его особое к ней расположение позволяет предположить, что они могли быть любовниками. Теперь донья Лупита состарилась и держит таверну при резиденции тирана, куда правитель приходит поиграть в любимую игру.

Жена Сакариаса, еще один индейский персонаж, как и донья Лупита, играющий важную роль в развитии интриги, хотя она и остается безымянной. В этом персонаже автору важно подчеркнуть ее гендерную роль жены и матери. Именно в силу своей роли она вынуждена искать способ обеспечить себя и ребенка едой и поэтому в ее руки попадает перстень полковника де ла Гандара, скрывающегося от преследования полиции, которого Сакариас обязался переправить в своей пироге в безопасное место. Чтобы раздобыть денег, Индианочка отправляется заложить перстень и оказывается в ссудной кассе гачупина Кинтина Переды, где начинается череда злоключений персонажа, обусловленных ее низким социальным статусом. Гачупин не просто оскорбляет и обманывает ее, зная, что перстень принадлежал полковнику, отнимает украшение, намекает на то, что она воровка, называет ее грязной («хватит распускать тут вшей» [12, с. 380]), угрожает ей хлыстом и в результате выдает крошечную сумму за заклад. Когда же выясняется, что полковник де ла Гандара объявлен в розыск, гачупин доносит на Индианочку, после чего ее бросают в тюрьму,

не разрешая взять с собой маленького сына. Ребенок остается один, и его пожирают свиньи.

Несмотря на неравенство статуса Индианочки и доньи Лупиты их объединяет уязвимость перед лицом мужских персонажей и неспособность самостоятельно добиваться справедливости. В разговоре с гачупином Индианочка упоминает своего мужа, который сможет силой забрать перстень у хозяина ссудной кассы («Не доводите до того, чтобы сюда, за перстнем, примчался мой петух!» [12, с. 381]). Донья Лупита, в свою очередь, обращается к тирану Бандерасу с просьбой наказать полковника де ла Гандара, который разбил в ее таверне четыре стакана. Исследователи уже обращали внимание на то, что пружиной действия и главной силой революции в романе является месть [8]. Подчеркнем, однако, что требование о восстановлении справедливости исходит от женщин и обращено к мужчинам и имеет символический смысл, который наиболее отчетливо раскрывается в анализе гендерной роли персонажей.

Женские и мужские персонажи, вне зависимости от расы, образуют две подгруппы в соответствии со своей гендерной ролью матери / отца или позицией бездетности, и при том, что сочетания этих конструктов могут быть разными, они порождают полные символизма смыслы.

Материнство и забота или защита ребенка становятся оправданной, законной причиной пересечения границ домашнего пространства и обращения к имеющим власть или доступ к ресурсам мужским персонажам. Именно так построены персонажи Индианочки и креолки, вдовы доньи Роситы Пинтадо, сына которой бросают в тюрьму и которая тщетно пытается добиться справедливости во время аудиенции у Тирана Бандераса. Напротив, индианка донья Лупита, которой нанес мелкий ущерб полковник де ла Гандара, бездетна, и ее требование наказать обидчика является защитой личных интересов, абсурдно и неоправданно.

Мужские персонажи в романе выполяют роль защитников и одновременно также могут выступать в роли отцов или бездетных. В сочетании с расовым признаком здесь также создаются дополнительные смыслы. Посол Испании принадлежит к привилегированному сословию, но он не просто отнесен к полюсу зла в силу своей принадлежности к белой расе, а дополнительно наделен гомосексуальностью, а значит, и бесплодностью, что в системе представлений романа становится воплощением порока и пори-

цается. Несоответствие образцу маскулинности подчеркивает незаконность власти, которую персонаж представляет. Гомосексуальность испанского посланника становится поводом шантажа со стороны генерала Бандераса, который таким образом добивается поддержки своего режима.

В роли отца выступает индеец Сакариас-Крестоносец, который поддерживает революционеров и принимает участие в бунте против тирана. У него есть серьезная на то причина — погибший сын. Он жестоко убивает хозяина ссудной кассы, обидчика своей жены, и мстит за гибель сына, принимая участие в революционном восстании.

Помещик-креол Филомено Куэвас, который поднимает своих крестьян-индейцев выступить против тирана, изображен заботливым отцом большого семейства. Он отказывается от своего приватного существования и выполнения обязанностей добытчика и защитника семьи, чтобы выступить в роли защитника свободы своего народа, при этом его решение дополнительно мотивируется сохранением честного имени, которое должны унаследовать его дети. По сути он занимает позицию жертвенности и готов пойти на смерть со своими крестьянами, однако полковник де ла Гандара, бездетный, но чадолюбивый, убеждает его, что для победы революции необходимо сохранить жизнь своим солдатам (сравните с традиционным выражением «отец солдатов» у Сервантеса, которым обозначается отважный и заботливый капитан: «под командою <…> родного отца своих солдат <…> дона Альваро де Басан» [13, т. 1, с. 443–444]), что, как и высокий социальный статус отцовства, является еще одним проявлением системы гомосоциальности.

Креол Роке Сепеда, оратор-революционер, идеолог деколонизации и борец за права коренных народов Америки, описан в терминах святости, как умерщвляющий плоть аскет: «Его ярко-черные брови, широкий лоб и гладкая лысина римского святого придавали его внешности отпечаток строгой энергичности» [12, с. 423]. Он призывает к борьбе за новую Америку и к его словам прислушиваются, среди его сторонников много индейцев. Однако он слишком наивен и простодушен и доверяет генералу Бандерасу, заключая с ним перемирие. Поэтому его не оказывается среди революционных войск, которые сражаются под руководством полковника де ла Гандара.

Наконец, у самого тирана Бандераса есть дочь. Генерал изображен в романе как инфернальный персонаж, нежить, неоднократно именуемый

«индейской мумией». При этом тиран выступает как противник предоставления прав индейскому населению («Я, чистокровный индеец, решительно не верю в способности и добродетели своей расы» [12, с. 458]). Его дочь Манолита, в описании внешности которой подчеркиваются индейские черты, безумна и содержится во дворце взаперти, под надзором служанки и лакея [12, с. 351]. Когда взбунтовавшиеся войска подходят к стенам резиденции правителя и революционеры побеждают, Бандерас сам убивает свою дочь пятнадцатью ударами ножа. Известно, что создавая образ тирана, Валье-Инклан опирался на исторические повествования об испанском конкистадоре Лопе де Агирре[6]. Согласно версии, изложенной Торибио де Ортигерой, Агирре, в 1561 г. взбунтовавшийся в Америке против власти короля Испании Филиппа Второго, зная о своей неминуемой гибели, жестоко убил свою дочь. В исторической повести о безумии девушки речь не идет, а сцена призвана подчеркнуть сатанинскую жестокость конкистадора, но так же жесток и Сантос Бандерас. Параллель между Агирре, именуемым в хронике «тираном», узурпатором, стремившимся установить свою собственную власть, стать королем новой земли, и тираном Бандерасом, очевидна. Бандерас, индеец, включен в структуры доминирования и подавления, созданные и установленные испанскими колонизаторами. Он презирает свою собственную расу, усвоив антииндейский нарратив, и воспроизводит насилие, укорененное в практиках имперской власти. Фактически обе его роли, расовая и гендерная, призваны вызвать отторжение: он одинаково жесток и несостоятелен и как индейский правитель, и как отец.

Образ безумной девы, лишенной свободы и убитой отцом-тираном, можно интерпретировать как образ индейского народа, который страдает под властью генерала Бандераса. В свою очередь, убив дочь, тиран оказывается лишенным наследников и будущего. Правитель традиционно наделялся в культуре ролью символического отца нации. Сравним с устойчивым выражением «отец отечества», часто применяемым к латиноамериканским деятелям движения освобождения от колониальной зависимости. В этом смысле в галерее персонажей романа Валье-Инклана благополучное отцовство и способность прокормить и защитить своих детей становится маркером жизненности персонажа. Индеец Сакариас-Крестоносец теряет своего

6 Лопе де Агирре стал героем двух десятков литературных произведений, а также фильмов Вернора Херцога «Агирре, гнев божий» (1972) и Карлоса Сауры «Эльдорадо» (1988).

сына, но о нем известно, что он заядлый игрок и проигрывает все деньги за карточным столом. Хотя он и сумел отомстить за смерть ребенка, но защитить и накормить не смог. Дон Роке Сепеда живет в сфере идей и, отказываясь от материального мира в пользу духовного, не имеет потомства. В то же время Филомено Куэвас, окруженный детьми, готов пожертвовать своей жизнью ради честного имени и свободы отечества, однако, согласно замыслу Валье-Инклана, успеха в планах восстания он может достичь только действуя совместно с полковником де ла Гандара, который проявляет заботу о своих сторонниках. Финал романа открытый, он заканчивается смертью тирана, и читателю остается неизвестно, кто пришел к власти в республике Санта-Фе и какое будущее ожидает страну. Валье-Инклан не дает однозначного ответа на вопрос, смогут ли помещик Филомено Куэвас и полковник Домисьяно де ла Гандара стать достойными отцами отечества. Симпатии автора находятся на их стороне и, возможно, их чадолюбие и проявленную заботу о семье и солдатах можно понимать как залог справедливого и успешного правления.

Таким образом, в романе отцовство, гендерная роль персонажа-мужчины, символическая и семейная, выходит на первый план. Дискриминация коренных народов акцентирована образом тирана, ставшего предателем собственной расы. Осуществляя критику постколониальности в Латинской Америке, Валье-Инклан стремится показать, что сама по себе принадлежность правителя к индейской расе не обязательно приводит к улучшениям в странах, освободившихся от испанского господства. В основе трансформации бывших колоний должен лежать отказ от наследия колониализма и его экономических практик, создание общества равных прав, переосмысление положения коренных народов Америки, обретение экономической независимости, т. е. программа, близкая идеям «нашей Америки» Хосе Марти. Идеальный правитель должен выступить защитником и добытчиком для народа своей страны, стать для нее отцом отечества. Однако примечателен и тот факт, что в роли символических защитников и добытчиков у Валье-Инклана оказываются не представители индейцев, о «социальной революции» которых он писал свой роман, а креолы. Таким образом, писатель обнажает существующую систему угнетения индейской расы в Латинской Америке, ее зависимое, второстепенное положение, подсказывая, что обретение ею прав должно под-

разумевать полный отказ от установленного конкистадорами и колонизаторами порядка.

Список литературы

Исследования

1 *Темкина А.А.*, *Здравомыслова, Е.А.* Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (5). С. 15–38.

2 *Armengol Josep Maria.* Race Relations in Black and White: Visual Impairment as a Racialized and Gendered Metaphor in Ralph Ellison's "Invisible Man" and Herman Melville's "Benito Cereno" // Atlantis. 2017. № 39 (2). P. 29–46.

3 *Armengol Josep Maria.* The Dictatorship of Machismo: Male Homosociality and the Traffic in Women in Mario Vargas Llosa's The Feast of the Goat // Clepsydra. 2009. № 8. P. 47–64.

4 *Caudet Francisco.* Introducción // *Valle-Inclán Ramón del.* Tirano Banderas / ed. de Francisco Caudet. Madrid: Cátedra, 2017. P. 9–238.

5 *Cha Kyung-Ho.* Literarische Dekolonisation: Race und Gender in Sharon Dodua Otoos afrofuturistischer *Novelle Synchronicity* // Genre und Race. Mediale Interdependenzen von Ästhetik und Politik / ed. Gradinari Irina, Ritzer Ivo. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2021. S. 309–325.

6 *Cuvardic García Dorde.* El debate modernismo-generación del 98 // Reflexiones. 2009. № 88 (2). P. 101–112.

7 *Dougherty Dru.* Anticolonialismo, "Arte de avanzada" y "Tirano Banderas" de Valle-Inclán // Revista de Crítica Literaria Latinoamericana. 1998. № 48. P. 39–47.

8 *Dougherty Dru.* The Question of Revolution in *Tirano Banderas* // Bulletin of Hispanic Studies. 1976. № LIII. P. 207–213.

9 *Lynton Jordan.* An Intersectional Comparison of Female Agency in Toni Morrison's *Sula* and Wang Anyi's *Song of Everlasting Sorrow* (2013). HIM 1990–2015. 1428. URL: https://stars.library.ucf.edu/honorstheses1990-2015/1428 (дата обращения: 01.03.2022).

10 *McDermott Patricia.* Modernism and Imperialism // Spain's 1898 Crisis. Regenerationism, Modernism, Post-Colonialism / ed. by Joseph Harrison and Alan Hoyle. Manchester: Manchester University Press, 2000. P. 216–228.

11 *Ojone Ajibogwu Rosemary.* Intersectional Discourse in Alice Walker's *The Color Purple* and Toni Morrison's *The Bluest Eye* // Roundtable. 2021. Vol. III. Issue 1. P. 1–15.

Источники

12 *Валье-Инклан Р. дель.* Тиран Бандерас // *Унамуно М. де.* Туман. Авель Санчес. *Валье-Инклан Р. дель.* Тиран Бандерас. *Бароха П.* Салакаин Отважный. Вечера в Буэн-Ретиро. М.: Худож. лит., 1973. С. 305–411.

13 *Сервантес Сааведра М. де.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961.

14 *Dougherty Dru.* Un Valle-Inclán olvidado: entrevistas y conferencias. Madrid: Espiral/ Fundamentos, 1982. 320 p.

15 Valle-Inclán. Cronología. Escritos dispersos. Epistolario / ed. de Juan Antonio Hormigón. Madrid: Fundación Banco Exterior, 1987. 644 p.

16 *Valle-Inclán Ramón del.* Tirano Banderas / ed. de Juan Rodríguez. URL: http://www.tiranobanderas.es (дата обращения: 01.03.2022).

References

1 Temkina, A.A., Zdravomyslova, E.A. “Intersektsional’nyi povorot v gendernykh issledovaniiakh” [“Intersectional Turn in Gender Studies”]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii*, no. 20 (5), 2017, pp. 15–38. (In Russ.)

2 Armengol, Josep Maria. “Race Relations in Black and White: Visual Impairment as a Racialized and Gendered Metaphor in Ralph Ellison’s *Invisible Man* and Herman Melville’s *Benito Cereno.*” *Atlantis*, no. 39 (2), 2017, pp. 29–46. (In English)

3 Armengol, Josep Maria. “The Dictatorship of Machismo: Male Homosiciality and the Traffic in Women in Mario Vargas Llosa’s *The Feast of the Goat.*” *Clepsydra*, no. 8, 2009, pp. 47–64. (In English)

4 Caudet, Francisco. “Introducción.” Valle-Inclán, Ramón del. Caudet, Francisco, editor. *Tirano Banderas.* Madrid, Cátedra, 2017, pp. 9–238. (In Spanish)

5 Cha, Kyung-Ho. “Literarische Dekolonisation: Race und Gender in Sharon Dodua Otoos afrofuturistischer *Novelle Synchronicity.*” Gradinari, Irina, and Ivo Ritzer, editors. *Genre und Race. Mediale Interdependenzen von Ästhetik und Politik.* Wiesbaden, Springer Fachmedien Wiesbaden, 2021. S. 309–325. (In German)

6 Cuvardic García, Dorde. “El debate modernismo-generación del 98.” *Reflexiones*, no. 88 (2), 2009, pp. 101–112. (In Spanish)

7 Dougherty, Dru. “Anticolonialismo, ‘Arte de avanzada’ y ‘*Tirano Banderas*’ de Valle-Inclán.” *Revista de Crítica Literaria Latinoamericana*, no. 48, 1998, pp. 39–47. (In Spanish)

8 Dougherty, Dru. “The Question of Revolution in *Tirano Banderas.*” *Bulletin of Hispanic Studies*, no. LIII, 1976, pp. 207–213. (In English)

9 Lynton, Jordan. *An Intersectional Comparison of Female Agency in Toni Morrison’s Sula and Wang Anyi’s Song of Everlasting Sorrow (2013). HIM 1990–2015.* 1428. Available at: https://stars.library.ucf.edu/honorstheses1990-2015/1428 (Accessed 01 March 2022).

10 McDermott, Patricia. "Modernism and Imperialism." Harrison, Joseph, and Alan Hoyle, editors. *Spain's 1898 Crisis. Regenerationism, Modernism, Post-Colonialism.* Manchester, Manchester University Press, 2000, pp. 216–228. (In English)

11 Ojone Ajibogwu, Rosemary. "Intersectional Discourse in Alice Walker's *The Color Purple* and Toni Morrison's *The Bluest Eye.*" *Roundtable*, vol. III, issue 1, 2021, pp. 1–15. (In English)